

Во главе юных подпольщиков

Всего год проработала Фруза Зенькова на швейной фабрике, и её в числе лучших работниц дирекция направила учиться в швейно–текстильный техникум.

В день первого экзамена в техникуме на Витебск упали первые бомбы.

После неудачной попытки перейти через линию фронта Фруза вынуждена была вернуться к своим родителям в деревню Ушалы Сиротинского района. Девушку удивила неестественная для тех дней деревенская тишина. В ушах всё ещё звенели страшные взрывы, крики раненых, плач женщин и детей на дорогах, перед глазами стояли картины жутких разрушений, а тут, в Ушалах, с трёх сторон окруженных густым сосновым лесом, было тихо и спокойно. Врагу, который рассчитывал на молниеносную победу и всеми силами рвался на восток, было не до этой маленькой деревни.

Тишина угнетала Фрузу. О чём думают, как собираются жить её односельчане в фашистской кабале? Почему затаилась, притихла молодёжь? Неужели склонила голову перед оккупантами? Тяжёлые думы мучили девушку.

Тревожные вести приходили из Оболи, расположенной в пяти – шести километрах от Ушалов. Там, в станционном посёлке, разместился фашистский гарнизон. Там оккупанты усиленно вводили свой «новый порядок»: за малейшее неповиновение расстреливали и вешали советских людей.

А вскоре и Ушалы перестали быть тихим островком. Неделю спустя после возвращения домой Фрузы тишину деревни нарушил гул автомашин и мотоциклов. Сюда на добычу приехал из Оболи отряд фашистских солдат. Гитлеровцы врывались в дома, забирали хлеб, овощи, выгоняли из хлевов скот. Потом последовали новые грабительские набеги фашистов.

«Неужели мы будем спокойно смотреть, как безнаказанно хозяйничают враги? — Обида и гнев душили Фрузу. — Нет, так жить нельзя! Нужно бороться и мстить! Но как? Как и с чего начинать борьбу?»

* * *

Просторную комнату освещает небольшая керосиновая лампа, подвешенная к потолку. Бледные блики падают на лица парней и девушек, которые сидят на скамьях вдоль стен. У порога вспыхивают и гаснут огоньки самокруток.

Играет гармонь. Но никто не танцует. Некоторые о чём–то тихо разговаривают, другие задумчиво молчат. И всё–таки молодёжь не спешит расходиться. Да и сама хозяйка дома, Фруза Зенькова, старается, чтобы парни и девушки погостили подольше.

Была одна причина, которая заставила Фрузу пригласить молодёжь. Брат Николай сказал ей однажды, что на вечеринку придёт один человек, который может рассказать много интересных новостей.

Так и произошло. Во время вечеринки Николай пришел домой не один. Фруза, возможно, и не придавала бы особого значения приходу нового человека, если бы не предупреждение Николая. Вскоре незнакомец попросил внимания. Все умолкли. Он вышел на середину комнаты и стал рассказывать о разгроме гитлеровцев под Москвой. Парни и девушки слушали, затаив дыхание. Их лица сияли радостью.

В следующее воскресенье он появился вновь. И Фруза познакомилась с ним ближе. По его просьбе она тихо передала самым надёжным комсомольцам, чтобы они

задержались после вечеринки. И он снова рассказал им о последних событиях на фронте, о героической борьбе Красной Армии, о развёртывающейся партизанской войне. Перед уходом он попросил Фрузу выяснить думы и настроения жителей, узнать, кто пошёл служить к фашистам.

– Это – поручение подпольного райкома партии, – сказал он, прощаясь.

Поручение райкома! Значит, райком партии существует, работает!

Подпольный Сиротинский райком партии с первых дней оккупации развернул кипучую деятельность. Находясь в Шашанских лесах, недалеко от Оболи, райком партии через надёжных и проверенных людей начал собирать силы на борьбу с врагом, развернул работу по созданию партизанского отряда и подпольных организаций. Одним из таких людей, которые действовали по заданию партии, был и тот, кто захаживал на вечеринки в Ушалы, – бывший ученик и секретарь комсомольской организации обольской средней школы, потом студент института, а затем офицер Красной Армии коммунист Борис Кириллович Маркиянов.

* * *

Зеленым ковром покрылась земля. Яркой листвой оделись деревья. Пришла весна 1942 года. В лес к партизанам ушёл брат Фрузы Николай, ушли многие односельчане. Но тот, кто тайно приходил когда-то на вечеринки и от имени подпольного райкома партии давал поручения, приказывал ей пока что сидеть дома. Сам он редко теперь заглядывал в Ушалы. От него приходили посыльные к Фрузе и передавали ей, как и раньше, задания по сбору разных сведений.

Комсомолка аккуратно выполняла эти задания, хотя ей хотелось в отряд, хотелось участвовать в настоящих боевых делах. О своём желании она часто говорила связным.

Но место её борьбы было уже определено райкомом партии и комиссаром партизанского отряда Маркияновым. Не напрасно он так долго проверял и испытывал на деле комсомолку.

Однажды поздней апрельской ночью Фруза проснулась от тихого настойчивого стука в окно. Это был условный стук связных, и девушка бросилась открывать двери. На этот раз на пороге стоял не связной, а сам Маркиянов.

– Наконец-то! – произнесла с облегчением Фруза. – Теперь я пойду в лес вместе с вами!

Маркиянов прошёлся по комнате, немного помолчал, а потом твёрдо сказал:

– Нет, Фруза, не за тобой я пришёл. И вообще в отряд ты не пойдёшь. Ты нам нужна здесь.

И комиссар рассказал, что по решению райкома партии в районе Оболи должна быть создана подпольная комсомольская организация. Руководителем подпольщиков назначается она, Фруза Зенькова.

«Руководителем подпольщиков? Почему именно она? Справится ли?»

* * *

Тёмная августовская ночь. За печью затаил свою однообразную песню сверчок. Фрузе не спится. Одолевают разные думы. О многом приходится теперь думать: она в ответе за всех, за большое общее дело.

Она и раньше замечала, что местные девушки и парни прислушиваются к её слову, тянутся к ней. Дед Герасим, самый старый человек в деревне, как-то в шутку сказал ей: «Тебе бы, Фрузка, хлопцем родиться. Вот бы верховодила!»

Эх, дедушка Герасим, знаешь ли ты, как это нелегко – верховодить! Тебя вроде и слушаются, каждый твой приказ без заминки выполняют. А вот в сердцах ребят она чувствует недовольство. Володя Езовитов, тот прямо вчера высказался:

– Что-то мы вроде гончих. Приглядываемся, принохиваемся, а бить по зверю будет дядя.

Остальные ребята промолчали, но во взглядах их затаилось сочувствие Володиным словам.

– Выражайся ясней, – не выдержала Фруза, – я знаю, думаешь: девчонка... Разве у неё хватит смелости повести на настоящее дело... Ведь так?

Володя не ответил. Но ни он и никто из ребят так не думал. Слишком свежа в памяти была история, которая произошла две недели назад на шоссе Витебск – Полоцк, история, инициатором которой была Фруза.

Накануне им выдали наганы, как личное оружие. И вот Фруза предложила произвести «пристрелку» наганов. Она выбрала троих, самых смелых – Володю и Илью Езовитовых и Марию Дементьеву, привела их в кустарник возле шоссе и организовала засаду. Огонь открыли по первой же машине, которая шла, набитая гитлеровцами. Вреда врагу не причинили, а сами едва унесли ноги, когда немцы, остановив машину, бросились окружать кустарник.

Крепко тогда досталось от комиссара. Но и она сама поняла, что нельзя напрасно рисковать, растрачивать силы и энергию на мелочи.

И всё-таки нетерпение ребят она понимает. У них уже есть тол, мины, оружие. А им всё говорят: не спешите, подождите. Когда же им поручат настоящие, боевые дела?

Её размышления прервал осторожный стук в окно. Фруза насторожилась. Стук повторился. Что случилось? В том, что это пришёл связной партизан, Фруза не сомневалась. Но почему домой? В последнее время с целью предосторожности все задания оставались под валуном, возле маяка, который комсомольцы прозвали «партизанским дубком». Значит, что-то важное.

Внимательно слушает она короткий и чёткий приказ. И с каждым словом связного Фрузу охватывает всё большее волнение. Наконец-то! Как долго и как нетерпеливо она и её товарищи ждали этого дня! И вот приказ: им поручают на шоссе Витебск – Полоцк уничтожить мост.

– Партизанам стало известно, что этими днями по шоссе пройдут колонны автомашин с важным военным грузом, – сообщила Фруза, собрав возле маяка членов комитета. – Мы должны задержать немецкий транспорт. А когда у взорванного и сожжённого моста соберется много машин, ударят партизаны. Действовать надо осторожно, чтобы не выдать себя и не провалить весь план. Это же наше первое боевое задание.

Вечером, когда стемнело, пятеро комсомольцев собрались в кустарнике недалеко от деревни Зуи.

– Пошли. Пробраться будем друг за другом, на небольшом расстоянии, – говорит Фруза.

Первым на знакомую тропу вышел Володя Езовитов. Прошел несколько метров, осмотрелся, прислушался. Вокруг тишина. Наполовину прикрытая тучей, едва серебрила полевую дорогу луна.

За Володей шли Женя и Илья Езовитовы, Федя Слышенков. Замыкала шествие Фруза. Комсомольцы обошли болото, пригнувшись, пошли по топкому лугу. Вот и Ловжанский ров. Еще несколько десятков шагов – и смельчаки у реки. Над головой

огромной крышей чернел настил моста. Мост охранялся. Действовать надо было очень осторожно и смело.

Володя и Федя тихо пробрались под мост, облили керосином несколько бревен, заложили мину замедленного действия. Почти одновременно вспыхнули два огонька, которые через мгновение разрослись в багровое пламя.

Комсомольцы бегут через ров, переходят вброд речку и останавливаются только в кустарнике возле Зуёв. Здесь они чувствуют себя в безопасности.

– Горит! – любуется огромным пламенем Володя.

Затаив дыхание, все молча следят за пылающим мостом.

И вот взрыв! Мост рухнул. Фруза всматривается в лица друзей, но в темноте они кажутся одинаковыми. Девушке хочется узнать, о чем думают комсомольцы теперь, после своей первой диверсии.

– А все же жаль, – неожиданно, будто рассуждая вслух, говорит Федя. – Красивый был мост! Строили всей деревней...

– Ну и ошалеют же фашисты! – воскликнул Женя.

Фашисты действительно ошатели от неожиданного удара.

По приказу коменданта к месту пожара и взрыва была послана специальная команда. Но спасти мост уже было нельзя. Ничего не дали и поиски диверсантов.

Так начались будни комсомольского подполья, полные борьбы, риска, дерзости.

Как-то Нина Азолина, работавшая в комендатуре, сообщила, что из Витебска приехал какой-то важный чиновник, зондерфюрер Карл Борман, который интересуется действиями партизан.

– Завтра он возвращается назад, – сказала Нина.

– Видимо, готовится карательная экспедиция, – мелькнула догадка у Фрузы.

– Может, он, этот зондер, что-нибудь важное везёт. Нельзя ему дать вернуться, – сказал Володя Езовитов.

Он вопросительно посмотрел на Фрузу. А она несколько минут молчала, раздумывая над Володиным предложением, потом, раздельно произнося слова, проговорила:

– Хорошо. Действуй! Только будь осторожен.

Теперь она знала, на что способен этот находчивый парень. Ему можно поручить самое смелое, самое рискованное дело.

Ночью Володя незаметно пробрался через окно в сарай, где стояла автомашина приехавшего фашиста, подложил мину замедленного действия под сиденье. И утром, едва только блестящий «оппель-капитан» выехал за Оболь, машина вместе с зондерфюрером и тремя офицерами, которые его сопровождали, была разнесена взрывом мины.

Комсомольцы заметили, что все воинские эшелоны подолгу стояли на станции Оболь. Здесь заправляли паровозы водой. Это было не случайно: на перегоне Полоцк – Витебск партизаны уничтожили все водокачки. Обольская была единственная уцелевшая. Сообщили об этом в партизанский отряд и получили приказ уничтожить водокачку.

В отряде изготовили специальную толовую шашку в виде куска антрацита и переправили её Фрузе.

Кому же поручить эту операцию? Ведь пробраться к водокачке нелегко. Она охранялась днём и ночью.

Фруза собрала товарищей, чтобы посоветоваться с ними, вместе продумать план диверсии.

– Я возьмусь, – после недолгого размышления сказала Нина Азолина, – мне это удастся сделать легче, чем кому-нибудь другому.

– Правильно, – одобрила Фруза. – Как-никак Нина работает в комендатуре, её знает охрана.

На следующий день, размахивая кожаной сумочкой, Нина отправилась вместе с помощником коменданта лейтенантом Миллером замерять запасы угля у водокачки и, выбрав удачный момент, бросила толовую шашку в груды угля.

Через два дня водокачка взлетела на воздух. Целую неделю, пока устанавливали временный насос, паровозы заправлялись водой ведрами. Много эшелонов, спешивших к фронту, надолго застряло на станции.

Однажды комиссар отряда предупредил Фрузу о своём приходе и приказал в определённое время собрать комитет. Комсомольцы поняли, что на этот раз их ждёт какое-то важное задание. И они не ошиблись.

– Как вы думаете, – начал Маркиянов, – какие предприятия Оболи работают на врага?

– Льнозавод, кирпичный! – раздались голоса.

– Правильно. На Обольский льнозавод поступает лён не только из Витебщины, но и из Смоленщины. А что такое лён? Это же стратегическое сырьё. А знаете, куда идёт кирпич? На строительство укреплений! Вы раньше били по военным целям, – говорил комиссар, – а теперь придется ударить и по этим, будто бы мирным, объектам. Уничтожить нужно и электростанцию, которая обеспечивает энергией гарнизон, железнодорожный узел, а также вывести из строя технику торфозавода. По-моему, ударить лучше всего одновременно.

Предложение комиссара загло подпольщиков. Тщательно и детально продумали они план каждой операции.

Наступило 3 августа 1943 года. Рано утром, едва только проснулась деревня, Фруза вышла из дому. Прошла метров двадцать проселочной дорогой и оглянулась. У порога стояла мать, провожая ее тревожным взглядом.

Фруза помахала рукой и как-то озорно улыбнулась. Эта улыбка словно говорила: «Ну, что ты, мама, тревожишься? Ведь не в первый раз и, будь уверена, не в последний»...

Да, Марфа Александровна хорошо помнит, как, так же озорно улыбнувшись ей на прощание, шла Фруза обольским большаком, неся в деревенской кошелке буханку хлеба, бутылку молока и два детских платица. В той буханке был вырезан мякиш и заложена спецмина для взрыва водокачки. И еще несколько раз ее дочь носила в обольский гарнизон мины в хлебе. Вот и на днях — для Ильи Езовитова.

И хотя все обошлось хорошо, материнское сердце не обманешь: на очень большой риск идет Фруза.

Но, волнуясь за дочь, старая колхозница и не подозревала, что беда была почти уже рядом. Это случилось в тот первый раз, когда Фруза несла мину для взрыва водокачки. На большаке она наткнулась тогда на немецкий патруль. Предупредив возможный обыск, девушка поспешила объяснить: «Майн фатер арбайт станция Оболь. Вот я ему и несу обед». Один из немцев ткнул пальцем в кошелку и, наткнувшись на платица, только заметил: «Кляйне киндер, паненка». «Так, кляйне киндер, пан офицер!» — поддакнула Фруза.

Опасности тогда удалось избежать. Но теперь, когда надо было пронести сразу три мины, Фруза решительно отвергла прежний способ доставки. Она придумала нечто совсем новое и остроумное. Кому это придет в голову, что на дне бидона с молоком лежат завернутые в клеенку мины? И кто это догадается, что в нижнем конце цветного платка, которым покрыта ее голова, увязаны небольшие капсулы для этих мин? Чтобы к ней привыкли, несколько дней подряд она носила продавать молоко на немецкую кухню, несколько дней прохаживалась с бидонами почти до самых Зуев. Все обходилось благополучно.

Теперь она шла по большаку, деланно улыбаясь проходившим мимо немцам, отвешивая поклоны знакомым полицаям. Без происшествий прошла Мостище. Вот и Зуи. До дома Володи Езовитова остались считанные метры.

И вдруг... Перерезая деревенскую тишину, раздался отчаянный свист. А следом грубый окрик:

— Эй, что несешь? Иди сюда!

Тревожно сжалось сердце девушки, когда она увидела пьяного рыжего полицая Трофимова и его брата, которые прослыли на всю округу как самые бесстыдные мародеры.

Фруза сделала независимый вид и пыталась пройти мимо.

— Сто-о-ой! Стой, говорю. — Полицай бросился ей наперерез.

— Чего тебе, Михась? — с наигранным спокойствием спросила Фруза. — Разве не видишь? Несу молоко.

— Эге! Не вижу... Мне в самый раз горло промочить после похмелья. Ну, давай! — Рыжий лапищей схватился за ручку бидона.

«Неужели попалась? — Фруза оглянулась вокруг, сзади приближался немецкий офицер. — Что делать?»

И вдруг возникла дерзкая мысль, Фруза что есть силы закричала:

— Господин офицер! Спасите, грабят!

Офицер набросился на девушку:

— Чего кричишь, дура!

— Господин офицер. Я несу немецким солдатам гостинец, а они отбирают.

Офицер подошел ближе, приподнял крышку бидончика.

— О-о, милых немецкий зольдат. Зер гут, — и, повернувшись к полицаям, крикнул: — Пшоль вон!

Не ускоряя шага, Фруза неторопливо пошла по улице, завернула за первый же угол. Переждала, пока ушли полицайи. Затем вернулась назад и прошмыгнула в сени дома Езовитовых.

— Если бы офицер не выручил, я бы этих гадов ужокошил. Из окна бы их уложил, — сказал Володя, едва дав Фрузе отдышаться.

— Скажешь... — Видя, как горят от возбуждения глаза парня, Фрузе на этот раз не хотелось распекать его за горячность и несдержанность. «Все?таки он замечательный хлопец», — подумала она с нежностью, а вслух сказала:

— Одну мину спрячь. Пусть будет про запас. Сходи к Нине. Будешь с ней дежурить возле льнозавода. В случае чего — предупредите. А я малость отдохну.

Из дома она вышла без четверти пять. За пять минут до гудка уже была у ворот завода. Не задерживаясь, свернула на узкую стезжку, что вела к покосившейся деревянной уборной. Уборная стояла в конце заводской ограды. Поэтому ею пользовались как заводские, так и посторонние.

Едва Фруза прикрыла за собой дверь, как следом прошмыгнула Зина Лузгина.

— Быстрей давай, рабочие уже расходятся, — торопит она, нетерпеливо поглядывая назад через щелку дверей.

Минута — и две мины замедленного действия, каждая размером с портсигар, спрятаны в одежде работницы.

Фруза, а чуть поодаль Нина Азолина и Володя Езовитов смешались с толпой выходящих через ворота рабочих. Вскоре у проходной показалась и Зина. Она неторопливо вместе с рабочими прошла мимо часового.

Метров через сто с ней поравнялась Фруза.

— Заложила в сушилку, — говорит, чуть волнуясь, Зина.

— Никто не видел?

— Переждала, пока все рабочие вышли. А вот выходя, наскочила в дверях на охранника. Не заметил ли он чего?

Они ускоряют шаг, сворачивают с проселочной дороги на узкую полевую стежку. И вдруг... Взрыв потряс окрестность. В стороне льнозавода вспыхивает огромное пламя. Оно охватывает и электростанцию. Удивленные подруги переглянулись: чека была поставлена на сорок минут, а прошло едва двадцать. Не знали девчата, что температура в сушилке в два раза выше той, на какую была рассчитана мина.

Заметались фашисты, стремясь найти следы диверсантов. Но едва они пришли в себя, как грянул второй взрыв. Это сработала мина, заложенная Ильей Езовитовым в машинном отделении кирпичного завода...

Двадцать одну крупную диверсию совершили юные подпольщики. И каждая из них наполняла сердце Фрузы Зеньковой необыкновенной гордостью. Это ее друзья, небольшая горсточка смелых и мужественных парней и девчат, бросили дерзкий вызов фашистскому гарнизону Оболи. И хотя силы были явно неравными, комсомольцы не раз выходили победителями.

* * *

На квартиру к Ефросинье Савельевне Зеньковой мы пришли вечером, когда над городом спустились сумерки. В полумраке большой комнаты мягкий оранжевый свет электрической лампы заливал небольшой столик. На нем несколько густо исписанных листов. Рядом авторучка.

Нетрудно было догадаться, что мы оторвали хозяйку от писем. Мы знаем, что у Ефросиньи Савельевны много корреспондентов, что она отвечает каждому, кто обращается к ней с вопросом или шлет добрые пожелания.

Не много осталось в живых бывших подпольщиков Оболи. В Минске на одном из заводов трудится Илья Езовитов. В соседней от Оболи леоновской школе преподавателем трудового обучения работает Аркадий Барбашев. Сама Фруза Зенькова живет в Витебске, работает в горвоенкомате. Но старая, горячая дружба, выросшая и окрепшая в огне борьбы, не утеряна, хотя и встречаются они редко.

За последние годы они встретились дважды, и оба раза не без причины. В первый раз их собрали вместе, чтобы вручить за мужество и героизм, проявленные в борьбе с фашистскими захватчиками, высокие правительственные награды. Грудь бывшего вожака обольских юных подпольщиков украсила «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

Второй раз они встретились на заседании Витебского областного суда по делу предателя Михаила Гречухина, который раскрыл врагу тайну Обольского подполья.

Как ни прятался, как ни скрывался этот выродок, его нашли и разоблачили. За свое предательство он понес суровое наказание.

...Наше внимание привлекла большая фотокарточка в рамке.

— Это тоже ваши товарищи — подпольщики? — спрашиваем мы Ефросинью Савельевну.

— Это моя послевоенная семья, — говорит хозяйка.

И это правда. Мария, Рая, Николай — дети дяди, Родиона Зенькова, убитого фашистами, — пришли в дом к Ефросинье Савельевне совсем малышами. А она помогла им окончить школу ФЗО и ремесленное училище. Приобрести профессии.

А рядом с ними — невысокая белокурая девушка. Очень напоминает она Марию Дементьеву. Это и есть ее младшая сестра, Валя. После гибели в партизанском отряде Марии и Нади Дементьевых и их матери Анны Андреевны Фруза взяла на некоторое время маленькую Валю к себе.

У настоящего бойца, который борется за великое и правое дело, не только твердая воля, мужество и отвага, но и большое и доброе сердце. У бесстрашного вожака обольских подпольщиков сердце отзывчивое, доброе и благородное.